

Ю. И. Внукевич

«Главное, здесь Литва уже выделена от Руси».
Конструирование отличительности литовцев
и белорусов в этнографическом дискурсе XIX века

Внукевич Юрий Иосифович, Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы НАН (Минск, Беларусь), старший научный сотрудник, кандидат исторических наук, jurasis22@gmail.com

В докладе рассматриваются основные подходы и принципы конструирования отличительности литовцев и белорусов в этнографическом дискурсе XIX в. Изобретение этноразделительных линий (маркеров) идентичности литовцев и белорусов основывалось на выявлении специфических локально-региональных различий крестьянских культур, помимо языка позволявших акцентировать устойчивую символическую дистанцию между ними.

Ключевые слова: этничность, идентичность, культурные различия, белорусы, литовцы, этнография, научный дискурс, XIX в.

Еще в середине XIX в. родоначальник этнографического картографирования и статистики в России, академик П. И. Кеппен, определил главенствующую роль этнографии в выявлении этнических различий следующими словами: «Показать деление жителей по народам должно бы быть делом Этнографии, на исследованиях которой, также как и на данных, представляемых географией, статистик должен основывать свои выводы»¹. Именно в дискурсивном поле этой научной дисциплины и происходило наиболее активное конструирование символических границ (интерпретированных исследователями как этнические) между доселе формально не разделенными и не классифицированными народами.

Одной из наиболее сложных задач у народоведов XIX в. была этническая дифференциация литовцев и белорусов, актуализированная политической проблемой территориального разграничения исторических земель Литвы и [Белой] Руси после их присоединения

к Российской империи. Многочисленные этнографы и фольклористы, занимавшиеся изучением преимущественно локальных образцов белорусской и литовской крестьянской культуры, так или иначе вынуждены были их классифицировать и описывать в конкретных этнических понятиях и категориях. Если же очевидная языковая отличительность литовцев и белорусов не вызывала никаких сомнений, то отнесение тех или иных явлений народной культуры к «литовскому» или «белорусскому» было весьма сложным и запутанным занятием.

В ситуации идентификационной неопределенности основной акцент в сравнительных штудиях чаще всего делался на общих чертах и сходствах, нежели на различиях, что лишь укрепляло представление о культурной близости белорусов и литовцев, сложившейся во времена Великого Княжества Литовского (ВКЛ). Показательно в этом отношении этнографическое описание литовцев, сделанное одним из наиболее рьяных сторонников идеи белорусско-литовского исторического единства этнографом и публицистом А. Киркором: «Обряды общие с белорусскими распространены у Литовцев и даже Жмудинов почти повсеместно. Появляется даже белорусский коровай. <...> На жатву все спешат охотно, а по ее окончании не только крупные землевладельцы, но и более зажиточные крестьяне совершают дожинки, почти одинаково, как у Литовцев, так и Белоруссов.<...> Одежда мужчин, как у Литовцев, так и у Белоруссов, почти одинаковая.<...> Как Литовцы, так и Белорусы, вообще роста среднего...<...> Литовцы, также как и Белоруссы, бороду и усы бреют, хотя в последние годы многие уже стали отращивать усы. <...> Как Литовцы, так и Белоруссы любят песни и пляски»².

Подобное видение сходства и даже полного тождества литовских и белорусских крестьян во многом было продиктовано сознательным нежеланием местных интеллигентов, ностальгирующих по временам ВКЛ и называвших себя «литвинами», изобретать и противопоставлять один «этнографический» народ исчезнувшей державы другому, что разрушало бы концепцию единой «политической нации», вообразенной и лелеемой местной шляхетской элитой. И хотя историкографическое клише «на Литве и Руси», обобщенно отсылавшее к балтской и славянской частям ВКЛ, было неотъемлемой нарративной позицией в работах ряда местных историков, этнографов и фольклористов (Т. Нарбута, братьев Е. и К. Тышкевичей, А. Киркора, В. Сырокомли, Ю. Крашевского и др.), занимавшихся изучением литовских и белорусских земель, оно мыслилось преимущественно в парадигме культурно-исторического своеобразия этих земель, а не этнических различий и различий их жителей.

Иным образом действовали сторонники различных ответвлений теории триединства восточных славян (М. О. Коялович, П. А. Бессонов, Ю. Ф. Крачковский и др.), которые концентрировали свое научное внимание на описании и конструировании «общерусских» и «общеславянских» культурных черт, низлагавших этническую специфику белорусов до уровня региональной идентичности. При этом они точно так же долгое время не могли определить символическую границу между литовцами и белорусами. Например, П. М. Батюшков писал: «Обыденные народные обычаи, поверья и обряды частной домашней жизни, доселе сохраняющиеся в Литве и на Руси, в многих случаях так сходны между собою или даже одинаковы, что литовцы и русские³ являются как бы одним народом, или же родными»⁴. Подобную установку в отношении литовцев и белорусов имел и основоположник концепции «западнорусизма» М. О. Коялович, которая вынуждала его изображать местное крестьянское население более однородным и слитным, чем оно на самом деле являлось⁵.

А вот гораздо более осторожный и дальневидный славянофил П. А. Бессонов, один из первых вложивший в понятие «Белой Руси» узкий этнический («этнографический») смысл, не скрывал своего восторга от концепции книги «Черты из истории и жизни Литовского народа», изданной А. Киркором и П. В. Кукольником в 1854 г. в Вильна⁶: «Конечно здесь говорится в собственном смысле о „Литовцах“: но тем самым много разъяснено и для Белой Руси. Главное, здесь Литва уже выделена от Руси, а вместе все изложено по Русски и печать Русская: это был не только важный поворотный шаг, но даже подвиг»⁷. Несмотря на то, что это издание, посвященное истории, этнографии и фольклору литовцев, имело ярко выраженный компилятивный и переводной характер, существенно снижавший его научную ценность, у русскоязычной виленской публики оно вызвало долгожданный символический эффект признания столь востребованных в политическом плане этнических различий.

Здесь следует уточнить, что большинство польских, русских и белорусских этнографов, пытавшихся в XIX в. писать о народной культуре Литвы, элементарно не владели литовским языком. Этот досадный недостаток они пытались компенсировать слепым переписыванием и цитированием ставших классическими, польскоязычных работ И. Лелевеля, Т. Нарбута, М. Балинского и др. Как известно, последние активно конструировали в своих исторических исследованиях глубоко романтизированный образ «древней Литвы», который, по существу, автоматически переносился и на образ древности литовского народа. Это имело существенное значение в представлении зарождавшейся литовской нации как «исторической» (в отличие от «этнографических» белорусов).

На фоне многочисленных компиляций еще в первой половине XIX в. своей аутентичностью стали выделяться публикации уроженцев западной части Литвы (Д. Пашкевича, Л. Юцевича, С. Даукантаса и др.), свободно владевших родным литовским языком и знавших народную культуру литовцев «изнутри». Именно они в своих исследованиях задали те культурные эталоны «литовского», которые позже стали использоваться другими исследователями для оценки соответствия «традиционному» и «этническому». Пожалуй, наиболее цитируемыми стали польскоязычные работы родоначальника литовской фольклористики и этнографии, уроженца Жемайтии Л. Юцевича⁸.

Одной из главных научных задач литовских этнографов в XIX в. был поиск и концептуализация «чистых», «классических» литовских земель, «не затронутых внешним влиянием»⁹. В качестве идеального региона для подобного конструирования подходила их родная Жемайтия (*Жмудь*), лингво-этнографический (диалектный) колорит которой в национальной проекции позволял наиболее эффективно выстраивать символическое расстояние от «иных» соседей и, таким образом, создавать выразительный образ «литовского» с максимальным индексом отличительности. В этом плане подобную роль у белорусов выполняла коалиция региональных идентичностей Белорусского Полесья, Поднепровья и Подвинья. Собранные на их территории этнографические материалы¹⁰ до сих пор активно используются как в широком национальном, так и в более узком научном дискурсах для проведения или, как сказал бы П. Бурдые, «освящения»¹¹ символических границ, разделяющих культурно схожие этнические группы.

¹ Кепшен П. Об этнографической карте европейской России. Санкт-Петербург, 1852. С. 3.

² Живописная Россия. Отечество наше в его земельном, историческом, племенном, экономическом и бытовом значении/Под ред. П. П. Семенова. СПб.; М., 1882. Т. 3. Ч. 1. С. 23–26. Отметим, что в качестве главного маркера отличительности белорусов и литовцев А. Киркор предлагал считать язык.

³ Здесь под «русскими» имеются в виду белорусы.

⁴ Батюшков П. Н. Белоруссия и Литва. Историческая судьба Северо-Западного края. СПб., 1890. С. 2.

⁵ Долбилов М. Д. Русский край, чужая вера: Этноконфессиональная политика империи в Литве и Белоруссии при Александре II. М., 2010. С. 208.

⁶ Черты из истории и жизни литовского народа. Вильно, 1854.

⁷ Бессонов П. А. Белорусские песни с подробными объяснениями их творчества и языка, с очерками народного обряда, обычая и всего быта. М., 1871. Вып. 1: Песни обрядовые. С. XXVII.

⁸ Jucewicz L. Rysy Żmudzi. Wilno, 1840; Idem. Wspomnienia Żmudzi. Wilno, 1842; Idem. Litwa pod względem starożytnych zabytków, obyczajów i zwyczajów. Wilno, 1846.

⁹ Собственно эту проблему впервые поднял Т. Нарбут, который пытался определить «классические» литовские земли в Аукштайтии, в Вилькомирском уезде, см.: Narbutt T. Oznaczenie granic Litwy właściwej od strony Słowiańszczyzny//Pomniejsze pisma historyczne: szczególnie do historii Litwy odnoszące się. Wilno, 1856. S. 270. А вот П. А. Бессонов эталон «литовскости» усмотрел как раз таки в Жмуди, у которой в вопросах сопротивления культурной и языковой ассимиляции со стороны поляков, на его взгляд, следовало бы поучиться и белорусам: «Литовский корень, еще целый на Жмуди, виден в ее природе, сильной, могучей, резкой типом и чертами, сильной физическим сложением, выразительной глазами, не бледной, не исхудалой, не золотушной до остова, <...>виден в языке ее, доселе могучем и крепком, и древнем, и неуступчивом, несмотря на узкое сокращение этнографических границ... [Сравните с этим] бестипичность, бледность, белокурость, безголосность, бесхозяйственность, языковую уступчивость крестьянина белоруса» (цит. по: Долбиллов М. Д. Русский край, чужая вера... С. 509).

¹⁰ Стоит упомянуть хотя бы ключевые исследования классиков белорусской этнографии: Довнар-Запольский М. В. Белорусское Полесье: Сб. этнографических мат-лов. Вып. 1: Песни пинчуков. Киев, 1895; Никифоровский Н. Я. Очерки престонародного житгья-бытгья в Витебской Белоруссии и описание предметов обиходности: Этногр. данные. Витебск, 1895; Сементовский А. М. Этнографический обзор Витебской губернии. СПб., 1872; Эремич И. Очерки Белорусского Полесья. Вильна, 1868; и др.

¹¹ Бурдые П. Идентичность и репрезентация: элементы критической рефлексии идеи «региона»//Ab Imperio. 2002. № 3. С. 57.

UDC 39.01(161.3); 39.01(172)(091)«18»

Y. I. Vnukovich

„The Main Thing Is That Here Lithuania Has Already Been Differenced from Rus”. The Construction of Distinctiveness of the Lithuanians and the Belarusians in the Ethnographic Discourse of the XIX Century

Vnukovich Yury Iosifavich, The Center for the Belarusian Culture, Language and Literature researches of the NASB (Minsk, Belarus), senior researcher, Ph. D. (History), jurasis22@gmail.com

The article examines the main approaches and principles of constructing of distinctiveness of Lithuanians and Belarusians

in the ethnographic discourse of the 19th century. The invention of ethno-dividing lines (markers) of the identity of Lithuanians and Belarusians was based on specific local-regional differences between peasant cultures, in addition to language, allowing to emphasize a stable symbolic distance between them.

Key words: ethnicity, identity, cultural differences, the Belarusians, the Lithuanians, ethnography, scientific discourse, 19th century.